

**НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ**

ТРУДЫ ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА

СЕРИИ:

- I. МОНОГРАФИИ**
- II. СБОРНИКИ НАУЧНЫХ ТРУДОВ**
- III. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ**
- IV. ИСТОЧНИКИ**
- V. УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ**
- VI. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ**
- VII. СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ**

Редакционный совет:

А. П. Деревянко (председатель), Л. Г. Панин (зам. председателя),
С. А. Красильников, С. А. Комиссаров, Л. В. Лбова,
Н. А. Лукьянова, В. И. Молодин, В. Г. Одинок

ТРУДЫ ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА

СЕРИЯ VI. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

И. С. КУЗНЕЦОВ

**ВОЖДЬ И НАРОД:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ**
Учебное пособие

Новосибирск
2012

УДК 94 (470) «20» (075)
ББК ТЗ(2)6–75р30
К 891

Кузнецов И. С. Вождь и народ: социально-психологический контекст сталинской эпохи / Учебное пособие (Тр. гуманит. фак. НГУ. Сер. VI: Учеб.-метод. пособия.) / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012.

Учебное пособие содержит анализ социально-психологического аспекта сталинской эпохи, т. е. периода отечественной истории с конца 1929-х гг. по март 1953 г. В работе вскрываются объективные (социально-экономические, геополитические) и психо-ментальные предпосылки конституирования ряда системообразующих инвариантов данного периода (авторитаризм, «черно-белое» видение мира, культ вождя, гипертрофия насилия). Издание предназначено для магистрантов 1-го курса, обучающиеся по направлению «История», магистерская программа «Отечественная история». Предлагаемое учебное пособие в соответствии с Программой развития НГУ рассчитано на подготовку высококвалифицированных кадров для фундаментальной и прикладной науки, системы ВПО в интересах упрочения демократической культуры в современном российском социуме.

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. В. Л. Соскин

д-р ист. наук, проф. В. А. Исупов

© Новосибирский государственный
университет, 2012

©Кузнецов И. С., 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....
Гл. 1. Радикальная трансформация психоментальных констант
Гл. 2. Изменения в социальных взглядах.....
Гл. 3. Молодежь как «ударная сила» сталинского режима
Гл. 4. Основные тенденции эволюции политической культуры
Гл. 5. Формирование харизматического лидерства и культа «вождя»
Гл. 6. Психоментальные детерминанты политического насилия.....
Гл. 7. Социальная антропология «новых людей».....
Заключение.....
Список рекомендуемой литературы.....

ВВЕДЕНИЕ

Характерной тенденцией современного исторического познания является стремление максимально «антропологизировать» историю, наполнить ее «человеческим содержанием». Еще более важно, что осмысление человека, его менталитета, «картины мира» в настоящее время становятся «ключом» для более глубокого понимания различных сторон исторической действительности. Не исключено, что сейчас в исторической науке происходит серьезнейшая концептуальная трансформация, сопоставимая по своей значимости с переходом от историзма Просвещения к классическому историзму XIX в., а возможно, если говорить о более отдаленных перспективах, и более значимая /1/.

До недавнего времени отмеченные тенденции исторического познания наиболее интенсивно давали о себе знать главным образом в зарубежной историографии. Помимо получившей широкую известность «школы "Анналов"», с конца 1980-х гг. в зарубежной историографии ярко проявила себя также «новая культурная история», ориентирующаяся на изучение смены психоментальных состояний социумов /2/.

Фундаментальное осмысление социально-психологической стороны исторического процесса особенно важно применительно к истории уходящего столетия – одной из наиболее противоречивых эпох в жизни человечества. Величайшие взлеты человеческого духа, небывалые успехи цивилизации в этом веке поразительным образом контрастировали с беспрецедентными проявлениями варварства, насилия, жестокости. Век атома, космоса, компьютеров с тем же основанием может быть назван веком самых опустошительных за всю историю войн, диктатур, голода и геноцида.

По нашему глубокому убеждению, «век-волкодав» (выражение О.Мандельштама) может быть понят только с учетом масштабных и кричаще противоречивых изменений в массовом сознании. Войны и диктатуры были неразрывно связаны с соответствующими социально-психологическими состояниями общества в целом и различных его групп.

Один из наиболее известных в настоящее время исследователей социальной психологии француз С.Московичи пишет по этому поводу: «Эту необузданную власть мы видели в действии. Мы видели людей, ставших покорными животными, убивавших по приказу, из страха или из-за преданности. Когда целый народ был погружен в немоту, когда исчезало всякое право на истину, мы видели невинных, превращенных в виновных, свободных людей, превращенных в узников из-за их этнической или классовой принадлежности» /3/.

История менталитета, история настроений и чувств приобретает особую значимость в контексте глубоких и чрезвычайно сложных проблем современного обновления России. В свое время Н.А.Бердяев высказал мысль, с которой трудно не согласиться: «В мире не было никогда настоящей революции. Были лишь переодевания. Подлинная революция есть революция сознания, переоценка всех ценностей» /4/. Нет сомнения, что нынешняя трансформация России способна обрести историческую перспективу лишь в том случае, если она будет базироваться именно на такой «революции сознания».

Актуальность изучения социально-психологического аспекта российской

истории резко усиливается тем, что эти проблемы далеко вышли за рамки академических штудий, стали достоянием массового сознания, предметом острого политического противоборства. Различные партии и лидеры, выступающие сейчас на российской политической сцене, нередко обосновывают свои заявления и программы соответствующими трактовками отечественного менталитета. Если одни самодеятельные аналитики «русской души» рассматривают ее как главную предпосылку возрождения нашего отечества, то другие видят в русских или советских («совковых») традициях основное препятствие для прогресса страны.

Острый и все более растущий интерес к социально-психологической составляющей исторического процесса, несомненно, стимулируется и все более осознаваемой обществом потребностью в восстановлении «связи времен», возрождении народных, национальных традиций. По этому поводу можно привести немало мудрых высказываний выдающихся отечественных мыслителей.

Нельзя не согласиться со следующими словами академика Д.С.Лихачева: «Веками по крупницам собирали землешцы свое духовное богатство <...>. Все хорошее не забывалось, а передавалось из поколения в поколение, снова и снова проверялось опытом и становилось традицией. Русскому крестьянству были присущи многие ценные традиции, представляющие значительный интерес и в настоящее время» /5/. Столь же убедительно звучит суждение известного мастера «деревенской прозы» Ф.А.Абрамова: «Воспитанный в серьезных трудовых традициях, русский крестьянин являл собой пример честности, совестливости, делового доверия, не требующего подкрепления никакими бумагами» /6/.

Народные традиции представляют определенную ценность и для формирования современной демократической культуры, в частности, такого ее неотъемлемого компонента, как «искусство компромисса». Как замечает по этому поводу лидер современного крестьяноведения, профессор Манчестерского университета (Великобритания) Т.Шанин, «в России в свое время искусством компромисса неплохо владели крестьяне» /7/.

Известно, что на протяжении значительного периода нашей истории после 1917 г. имело место поспешное и бессмысленное разрушение традиционного образа жизни и традиционной морали. Сложившаяся в стране общественная система, была органически чужда идее преемственности традиций. За десятилетия ее господства происходило «раскрестьянивание» сельского населения, разрушение духовных ценностей народа.

С болью говорил о тяжелых последствиях разрушения крестьянских традиций писатель В.Белов: «В жизни любого общества ценен практический опыт, который по крохам накапливается во времени. Извечным накопителем его у нас было крестьянство, наша огромная крестьянская Атлантида <...> насильственно в течение короткого времени спущенная под воду со всей вековой премудростью. Житейский уклад, земледельческая наука, нормы нравственности. Сколько ушло в безвозвратность, пролилось со слезами и кровью!» /8/.

От возрождения народных, национальных традиций, быть может, в немалой степени сейчас зависят перспективы возвращения нашего народа к нормальной жизни, без чего, в свою очередь, немыслимо возрождение нашего Отечества.

Насущная необходимость исторического изучения народной психологии, опыта и традиций подтверждается и опытом мирового развития, ходом целого ряда современных глобальных процессов. Известно, в частности, что процветание сельского хозяйства и ряда других отраслей в развитых странах связано, как

правило, с фигурой самостоятельного производителя.

Значительные возможности мелкого семейного хозяйства, в какой-то мере сохраняющего традиции труда и человеческих взаимоотношений, дают в настоящее время знать о себе не только в сельском хозяйстве, но и в других отраслях экономики, в том числе связанных с такими наиболее передовыми сферами, как электроника, компьютерная техника и т.п. Характерно, что в настоящее время за рубежом внимание к этим формам хозяйства нашло выражение в движении «малое – прекрасно». По прогнозу крупнейшего современного футуролога О.Тоффлера, именно с развитием подобных хозяйственных форм связаны перспективы формирования в современном мире «новой экономической системы» /9/.

Характеризуя степень изученности темы, следует прежде всего напомнить, что до сих пор социально-психологический аспект отечественной истории XX века относится если не к «белым пятнам», то, бесспорно, к числу наименее изученных аспектов нашего прошлого. Фундаментальному монографическому изучению в этом контексте подверглись лишь отдельные периоды данной эпохи /10/. К сожалению, интересующий нас период истории российского крестьянства еще не вошел в данный ряд. Между тем его изучение в психоисторическом ключе представляется весьма перспективным, совершенно необходимым для глубокого понимания последующего хода событий.

Дело в том, что рассматриваемая эпоха немалой степени были временем выбора, противоборства различных тенденций и альтернатив. Исход этого противостояния в немалой степени был предопределен состоянием массового сознания, в т.ч. социальной психологии «молчаливого большинства» послереволюционного российского социума – крестьянства. В исторической публицистике конца 1980-х и последующих лет можно встретить немало суждений на эту тему. Стали почти общими местами, в частности, указания на такие черты массовой психологии послереволюционного периода, как патриархально-авторитарные традиции, ультрареволюционные, грубо-уравнительные настроения и утопические устремления. По мнению многих авторов, эти социально-психологические явления и тенденции во многом и предопределили утверждение сталинизма /11/.

Однако все эти построения носят пока что в основном характер более-менее правдоподобных гипотез, поскольку фундаментальных исторических исследований по данным вопросам до сих пор не появилось.

Что касается регионального аспекта темы, то следует напомнить, что психоистория Сибири лишь в малой степени затронута. При этом в появившихся в тот период наиболее крупных, обобщающих трудах (в первую очередь - монографиях Л.И.Боженко, Н.Я.Гушина, Ю.В.Куперта), психоисторическая проблематика почти не затрагивалась. Отдельные же суждения на эту тему носили самый общий характер (говорилось, к примеру, о «росте доверия крестьянства к советской власти», «повороте» в его психологии в связи с началом массовой коллективизации и т.п.) /12/.

В чем-то схожий подход характерен и для вышедшей относительно недавно монографии американского историка Д.Хьюза, которая на сегодняшний день является наиболее крупным зарубежным исследованием по истории сибирской деревни 1920-х гг. В работе фигурируют такие многообещающие названия глав как «Сибирская крестьянская утопия», «Кто был сибирский кулак?» и т.п., которые

позволяют предполагать обращение автора к социально-психологической проблематике. Однако на самом деле названный исследователь ограничивается весьма общими суждениями об особенностях «сибирского менталитета». Основываясь на суждениях П.А.Столыпина, Д.Тредголда, Д.Сетон-Уотсона и др., он отмечает такие социально-психологические черты сибирских крестьян, как «дух фронта», «недоверие к властям», «стремление к самообеспечению и кооперации», «дух индивидуализма, самостоятельности, буржуазности» /13/. Конкретный же анализ менталитета сибирского крестьянства в рассматриваемой работе не обнаруживается.

С конца 1980-х гг., как известно, в изучении проблем истории «сталинской эпохи» происходит настоящая «концептуальная революция», которая подкрепляется кардинальным расширением источниковой базы.

Одна из первых попыток реализовать новые подходы к истории сибирской деревни 1920-х гг. на уровне монографии была предпринята М.Д.Северьяновым /14/. Из числа исторических исследований, появившихся на современном этапе, наиболее фундаментальное отражение отдельные аспекты истории сибирского крестьянства 1920-х гг. нашли в трудах В.А.Ильиных /15/. Работы обоих названных авторов посвящены анализу социально-экономических процессов, поэтому, вполне естественно, в них прослеживаются лишь отдельные суждения о взглядах и настроениях крестьян. Каких-либо заметных сдвигов в изучении интересующего нас аспекта истории сибирского крестьянства не отмечается и в ряде новейших исследований о коллективизации сибирской деревни /16/.

В целом же из всех психоисторических аспектов сталинской эпохи наиболее существенное продвижение отмечается в изучении социальной психологии крестьянства. Особо надо выделить монографию автора настоящего учебного пособия, отразившая некоторые положения его докторской диссертации /17/.

С учетом актуальности темы и степени ее реальной изученности в данной монографии ставится задача исторической реконструкции некоторых аспектов социальной психологии нашего народа в период сталинизма. При этом мы учитываем многосторонность исследуемого общественного феномена, которая определяет возможность реализации существенно различных исследовательских стратегий. По меньшей мере следует в полной мере принимать во внимание дифференциацию социально-психологической сферы на относительно стабильные («психический склад» по Б.Ф.Поршневу, менталитет согласно «школе "Анналов"») и более подвижные проявления (настроения).

Думается, что постановка в качестве основной задачи изучения менталитета в рамках относительно небольшого временного промежутка вряд ли является достаточно продуктивной. Стабильные, действующие на протяжении длительного времени компоненты социальной психологии требуют для их исторического исследования, как нам представляется, и соответствующих хронологических рамок. С этой точки зрения не совсем удачным представляется определение предмета исследования («менталитет и социальное поведение») в монографии О.С.Поршневой, которую в целом, бесспорно, следует признать наиболее фундаментальным исследованием ряда социально-психологических аспектов отечественной истории XX в.

При изучении относительно кратковременных исторических периодов, что и имеет место в нашей монографии, видимо, целесообразнее отдавать приоритет более динамичным социально-психологическим феноменам. Последние, как

известно, в свою очередь непосредственно воздействуют на социальное поведение, в то время как психический склад (менталитет) оказывают такое воздействие в большей мере опосредованно. Тем самым создается возможность глубже понять причинные взаимосвязи в действиях тех или иных общественных групп, в общем ходе исторических событий. В этом, собственно и заключается первоочередная практическая обусловленность обращения к психоисторической проблематике, если не рассматривать его просто в качестве некоего «архитектурного украшения» исторического исследования.

При этом, уделяя приоритетное внимание подвижным элементам социальной психологии, мы будем рассматривать их в неразрывной взаимосвязи с более устойчивыми социально-психологическими явлениями. Анализируя настроения россиян, их отношение к различным реалиям рассматриваемого периода, мы стремились по мере возможности обращаться и к более глубоким и, следовательно, более долговременным компонентам крестьянского мировосприятия. Это вполне оправданно, имея в виду, что общественные настроения, как правило, не являются простой (непосредственной) реакцией на те или иные воздействия социальной среды. Ведь факты реальной действительности всегда воспринимаются через призму соответствующих (априорных) социально-психологических установок. Поэтому, изучая настроения, нельзя обойтись и без обращения к тем или иным аспектам «психического склада», менталитета.

Таким образом предмет данного учебного пособия локализуется на некоей тонкой грани между настроениями и менталитетом. Можно сказать, что мы не выдвигаем в качестве приоритетной задачи изучение наиболее стабильных компонентов народной психологии, но в то же время не ограничиваемся и исследованием лишь ее подвижных составляющих.

Думается, что такого рода «пограничную» сферу психоисторической реальности правомерно определить категорией «нравы». При этом содержание данной дефиниции в этом случае, разумеется, трактуется весьма широко /18/.

Говоря о методологических ориентирах данного учебного пособия, следует, помимо исходных положений социально-психологической теории, следует выделить разнообразные теоретические разработки об особенностях социальной психологии различных групп населения. Особую ценность представляют подходы, сформулированные в свое время А.В.Чаяновым и другими представителями «организационно-производственного» российской аграрно-экономической науки. Существенное методологическое значение имеют, в частности, выводы «школы Чаянова» об относительной устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, первоочередной важности для сельскохозяйственного труда «собственнического чувства», наличии в крестьянском хозяйстве специфической производственной мотивации, ориентированной прежде всего не на получение прибыли, а на поддержание его стабильности.

Немалый методологический интерес представляют также современные зарубежные разработки по проблемам крестьянства, испытывающие значительное влияние идей А.В.Чаянова и развивающиеся преимущественно в рамках так называемых «крестьянских исследований» (peasant studies) – междисциплинарного исследовательского комплекса, сформировавшегося с середины 1960-х гг. /19/.

В свою очередь, с 1980-х гг. «крестьянские исследования», как известно, развивались под доминирующим воздействием концепции «моральной экономики» Дж.Скотта, также представляющей значительную методологическую ценность. В

соответствии с этой концепцией, главным импульсом крестьянского существования является «императив выживания», что в свою очередь определяет весь круг взглядов и представлений крестьян. Немалый интерес представляют сформулированные в рамках рассматриваемой концепции методологические положения о взаимоотношениях крестьянства с властями, значении пассивных форм крестьянского сопротивления («оружие слабых»).

Определенное методологическое значение мы придаем также теоретическим разработкам о психологии политической жизни, принадлежащим таким известным авторам, как Т.Адорно, Х.Арендт, З.Бжезинский, М.Вебер, З.Фрейд, Э.Фромм, К.Юнг и др. К их концепциям мы будем обращаться при анализе конкретных вопросов.

Характеризуя источниковую базу монографии, следует иметь в виду, что круг источников, отражающих социальную психологию, чрезвычайно разнообразен и поистине неисчерпаем: в сущности, любой источник имеет определенное социально-психологическое измерение, т.к. отражает деятельность и, следовательно, сознание людей.

Учитывая предложенные варианты типологии и основываясь на собственном немалом опыте психоисторических исследований, автор считает целесообразным из всей массы использованных источников выделить следующие их основные группы:

- 1) Источники официального происхождения, возникшие в результате деятельности различных организаций и учреждений;
- 2) материалы социальных обследований деревни, а также этнографических экспедиций;
- 3) источники, исходящие непосредственно из среды самого крестьянства – указы, письма, жалобы, обращения и т.п.;
- 4) воспоминания;
- 5) фольклор;
- 6) языковые данные.

Характеризуя особенности некоторых из названных групп, следует остановиться прежде всего на источниках официального происхождения, в кругу которых особо следует отметить информационно-отчетные материалы различных учреждений и организаций. Среди последних – партийные комитеты, органы госбезопасности и правопорядка, советы, различные общественные организации.

Основное достоинство данного типа источников, определяющее приоритетное внимание к нему – его массовость. Ведь различные общественно-политические мероприятия того периода (выборы, хлебозаготовки и т.п.) находили отражение в десятках и сотнях информационных и отчетных материалов. В них, как правило, выделялись и более-менее обширные разделы о настроениях населения, которые в какой-то мере дают возможность подойти также к пониманию более глубинных аспектов их психологии.

В то же время очевидно, что источники официального происхождения несут немалую печать ограниченности и тенденциозности. Зачастую концентрировавшаяся в них информация с мест отличалась фрагментарностью, а то и недостаточной достоверностью. Неравномерно освещались настроения различных слоев населения: информация относилась главным образом к полярным группам крестьянства («зажиточным» и «беднякам»), и в то же время как правило недостаточно характеризовалось состояние его

основной массы – «средняков».

Существенный минус рассматриваемого типа источников – фрагментарность отражения в них исследуемого объекта: содержащиеся в них прямые оценки крестьянской психологии затрагивали, как правило, лишь отдельные ее аспекты, чаще всего – наиболее поверхностные и подвижные, в наибольшей степени связанные с теми или иными ситуативными проявлениями массового сознания (настроениями). В гораздо меньшей степени отражались более стабильные, глубинные компоненты социальной психологии, черты социально-психологического склада.

Много претензий можно предъявить и к самому характеру официальной информации о тех или иных аспектах массовой психологии. Здесь мы видим либо общие, декларативные оценки, либо отдельные примеры, типичность которых нередко проблематична. В значительной мере эти минусы были связаны с фундаментальным недостатком большинства источников – описательностью в отражении социально-психологических явлений, почти полным отсутствием их количественного выражения.

В силу отмеченных особенностей информации, а также под влиянием соответствующих политических установок, показания официальных источников о социально-психологическом состоянии населения не только нередко несли печать упрощенности, схематизма, но и зачастую отличались прямой необъективностью. Не являлись редкостью малообоснованные выводы либо о «быстром росте» сознательности советских людей, либо, напротив, о их «реакционных настроениях» и т.п. С особой силой тенденциозность официальной информации в рамках рассматриваемого периода сказывается накануне «великого перелома», когда официальные документы выдавали желаемое за действительное, твердили о «решающем повороте» в психологии крестьянства.

Все эти обстоятельства еще с большой остротой выдвигают задачу корректировки официальных данных показаниями других источников. При этом наибольшие возможности для разносторонней и объективной характеристики настроений и взглядов нашего народа предоставляют, по нашему мнению, материалы проводившихся в то время многочисленных обследований, в особенности деревни.

Как отмечают авторы, специально изучавшие историю социальных обследований того периода, в них «важное место занимал психологический аспект», и в целом как источник по истории деревни того периода они «не имеют себе равных, особенно когда речь идет о явлениях социального, культурного плана» /20/.

Следует отметить, что до настоящего времени рассматриваемая группа источников была недостаточно использована в аграрно-исторических исследованиях. Характерно, что даже в специальной работе А.Н.Соскиной были оставлены без внимания целые разновидности обследований. Названный автор отказывается от рассмотрения обследований культурной жизни, не использует обследований комсомольских организаций, неоправданно мало говорит о последней серии так называемых комплексных обследований сибирской деревни конца 1926 – начала 1927 гг., совершенно не касается обследований конца 20-х гг. Все эти группы обследований, недостаточно или совсем не отраженные в сибиреведческой литературе, практически впервые введены нами в научный оборот и составляют важнейший компонент источниковой базы монографии.

Как и источники официального происхождения, обследования деревни, при всех их достоинствах, отличались рядом существенных минусов и прежде всего – отсутствием точных количественных параметров социально-психологических процессов и явлений. В связи с этим следует особо выделить относительно немногочисленную группу обследований, по своим методам наиболее близких к современному типу конкретных социологических исследований и содержащих количественные характеристики интересующих нас явлений. Речь идет об обследованиях читательских интересов крестьянства, его отношения к прессе, к религии, а также к такому острому вопросу деревенской действительности как потребление алкоголя и самогонование. Эти материалы также в значительной мере впервые вводятся в научный оборот.

Определенное типологическое сходство с материалами социологических обследований имеет и такой уникальный источник как высказывания членов коммуны «Майское утро» о произведениях художественной литературы /21/. Они появились в результате подвижнической деятельности педагога-новатора А.М.Топорова, который в течение почти десятилетия вел чтения литературы и ее обсуждения с крестьянами-коммунарами алтайской деревни Журавлихи. Вряд ли есть другой источник, столь широко и всесторонне отразивший мнения сибирских крестьян по широкому кругу общественно-политических вопросов.

Следует отметить, что сам А.М.Топоров рассматривал данную работу как разновидность социологического обследования и применял соответствующие методы – участникам обсуждений предлагался подробный вопросник. К сожалению, опубликованные отзывы коммунаров не носят формализованного характера. В связи с этим для изучения данного источника в монографии применен метод контент-анализа: было изучено более 900 опубликованных суждений журавлихинских крестьян.

В нашей работе также практически впервые, если говорить об исследованиях по истории сибирского крестьянства 1920-х гг., использованы материалы этнографических экспедиций того периода, которые в типологическом плане обнаруживают значительное сходство с материалами социальных обследований.

Из числа источников, исходящих из среды самого наскаления, наиболее массовой разновидностью в рассматриваемый период являлись письма и жалобы крестьян в прессу и различные официальные и общественные инстанции. О массовости этого источника говорит хотя бы то, что лишь за 1929 г. газеты Сибирского края получили 236 тыс. писем и заметок читателей /22/.

Используя данный источник, следует, помимо прочего, иметь в виду, что из числа писем, поступивших в прессу, публиковалась незначительная их часть, при этом они подвергались жесткой селекции в соответствии с господствующими политическими установками. Так, по нашим подсчетам, из числа заметок, полученных от сельских жителей краевой газетой «Сельская правда» в 1925 г. достоянием гласности стало лишь 15 %, в 1927 г. – 7, в 1929 г. – всего около 5 %.

Автор предпринял количественный анализ тематики около 4 тыс. крестьянских писем, опубликованных в «Сельской правде» за 1925–1929 гг. В ходе такого исследования был выявлен круг вопросов, затронутых в письмах из деревни. Конечно, на основе анализа тематики писем трудно судить о глубинных проявлениях крестьянской психологии. Однако такой метод дает немалые возможности для выявления круга интересов и стремлений крестьян, их отношения к различным общественным явлениям. Это же в свою очередь позволяет в какой-

то мере приблизиться к реконструкции и более фундаментальных пластов крестьянской психологии.

Одним из важных результатов проведенного анализа является вывод о том, что даже в публикациях селькоровских писем второй половины 1920-х гг. тема колхозов не занимала заметного места: в 1925–1926 гг. в «Сельской правде» им была посвящено от 2 до 3,8 % всех заметок, в то время как потребительской и кредитной кооперации – 30 % !

Говоря о других типах источниках, следует подчеркнуть, что, пожалуй, впервые в исследованиях по истории крестьянства в диссертации широко используются и языковые, прежде всего лексикологические данные. Уже исследователи-современники событий отмечали в качестве важнейшего языкового процесса того периода широкое проникновение в речь крестьянства большевистского «новояза». С этой точки зрения, отразившаяся в источниках новая лексика сельского населения весьма рельефно отражает динамику восприятия им стереотипов официальной идеологии. Для реконструкции же ряда традиционных компонентов крестьянского менталитета в работе, наряду с другими источниками, подвергается анализу архаичная лексика сельского населения Сибири. Для этого, в частности, используются словари народных говоров, а также соответствующая картотека, составленная в Институте языкознания СО РАН.

С учетом выделенных позитивных и негативных сторон различных типов источников, первостепенное значение приобретает их комплексное, системное использование, взаимодополнение и взаимопроверка. В качестве важнейшего исследовательского метода применяется сопоставление двух типов исторических фактов, существенно различающихся по характеру отражения исследуемого объекта. С одной стороны – содержащиеся в источниках прямые характеристики социально-психологических явлений. Другой тип фактов – это объективные, в т.ч. статистически выраженные показатели различных социальных процессов.

Отмеченные недостатки тех или иных типов источников, разумеется, существенно затрудняют историческую реконструкцию социальной психологии массовой психологии сталинской эпохи. Вместе с тем, как нам представляется, используемый в работе источниковый массив все же дает необходимые и достаточные предпосылки для реализации поставленных исследовательских задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. например: К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994. С. 6, 191.

2. Отечественная история. 1995. № 5. С. 195 (Материалы советско-американской конференции историков в Саратове, 1992 г.).

3. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С. 451

4. Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. С. 331 (высказывание 1939 г., зафиксированное в дневнике его жены - Л.Ю.Бердяевой)

5. Лихачев Д.С. Память культуры и культура памяти // Юный художник. 1983. № 8. С.1.

6. Вопросы литературы. 1974. № 5. С. 72.

7. Эксперт. 2000. № 12. С. 64.

8. Правда. 1990. 24 декабря.

9. Свободная мысль. 1992. № 2. С. 117 (реферат книги О.Тоффлера

«Смещение власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века», 1990 г.).

10. См. в первую очередь: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Сенявская Е.С. 1941-1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Она же. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М., 1999.

11. В наиболее концентрированном виде характерные для периода «перестройки» представления о социально-психологических предпосылках российского тоталитаризма нашли выражение в коллективном труде «Осмыслить культ Сталина» (М., 1989). В нем имеется специальный раздел «Сталин и сталинизм как социопсихологический феномен», где особенно выделяется статья Ю. Левады.

12. См. напр.: Боженко Л.Л. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 – 1927 гг.). Томск, 1968. С. 86–88, 126–138, 158; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 276; Гуцин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1927–1937 гг.). Новосибирск, 1978. С. 161, 181, 227, 275; Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.). Томск, 1982. С. 112, 225–226.

13. Hughes J. Stalin, Siberia and the crisis of New Economic Policy. New York, 1991. P. 7.

14. Северьянов М.Д. Нэп и современность. Полемические заметки. Красноярск, 1991.

15. Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992; Он же. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири (Государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996. Более заметное внимание социально-психологическому аспекту уделено в книге: Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. Данная работа появилась в результате реализации англо-российского проекта историко-социологического изучения российских сел. Наиболее ценным содержательным компонентом названной публикации являются сконцентрированные в ней источники по истории трех сибирских сел, прежде всего – воспоминания их старожилов.

16. Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.). Методы, этапы, социально-экономические и политические последствия. Новосибирск, 1996; Доржиев Д.Л. Социально-политический протест и вооружённые выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Улан-Удэ, 1996.; Самосудов В.М. Насильственная коллективизация и противодействие крестьянства сталинскому термидору. Омск, 1991.

17. Кузнецов И.С. На пути к «Великому перелому»: Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск, 2001. 20 а. л. 235 с.

18. Обосновая правомерность такого рода содержательной интерпретации категории «нравы», можно сослаться на известный историографический прецедент. См.: Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI-XIII вв. Л.,1947.

19. См. об этом напр.: Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М.,1992.

20. Арутюнян Ю.В. Опыт социологического изучения села. М.,1968. С. 3–21; Соскина А.Н. История социальных обследований сибирской деревни в 20-е гг. Новосибирск,1976. С. 279.

21. См.: Топоров А.М. Крестьяне о писателях. Изд. 2-е, доп. и перераб. Новосибирск, 1963.

22. Прилуцкий Э. Сибирская печать под ударом самокритики. Новосибирск,1930. С. 10; Государственный архив Новосибирской области (далее: ГАО), ф. П-2, оп, д. 4341, л. 1.